

В. В. Масненко

УКРАИНСКИЙ ФАКТОР В СОБЫТИЯХ МОСКОВСКОЙ СМУТЫ В НАЧАЛЕ XVII в.¹

Существуют достаточно развитые русская (С. Соловьев, В. Ключевский, С. Платонов, П. Любомиров, Б. Флоря, Р. Скрынников, Г. Абрамович), украинская (Н. Костомаров, М. Грушевский, В. Доманицкий, Д. Яворницкий, Ю. Крохмалюк, В. Ульяновский, П. Сас), белорусская (В. Верас, А. Тарас), польская (К. Валишевский, В. Собеский, А. Гиршберг, Г. Виснер, К. Тишковский, А. Андрушевич, М. Нагельский, В. Чаплинский, М. Франц, А. Маевский) историографические традиции освещения проблемы украинской составляющей Смуты в Московском государстве в начале XVII в. Указанные авторы предлагали различные подходы в освещении темы, которые заслуживают отдельного историографического исследования.

В нашей статье предлагается рассмотреть наиболее существенные аспекты активного участия выходцев из украинских земель в событиях Смутного времени в Московском царстве. Учитывая большой объем информации, в рамках статьи ограничимся только их классификацией и определением общих тенденций и перспектив в исследовании данной темы.

Военно-политический аспект проблемы наиболее полно раскрыт в историографии. Как известно, контингенты выходцев из Украины составляли значительную часть войск Лжедмитрия I, Болотникова, Лжедмитрия II, Яна Петра Сапеги, короля Сигизмунда III Вазы, гетманов Станислава Жолкевского, Яна Кароля Ходкевича, королевича Владислава и др.

¹ Как название «украинский», так и этноним «украинцы» относительно явлений начала XVII в. применяются с достаточной мерой условности, поскольку они, за отдельными исключениями, практически не встречаются в источниках того времени. Используя эти понятия при освещении нашей темы, мы не переносим на них современных этнополитических представлений и смыслов. Однако при этом следует учитывать, что общественная артикуляция этнических и национальных процессов (ее отображение в письменных источниках), как правило, имела пролонгированный характер и не успевала за их развитием. В реальности к началу раннемоделного времени на украинских землях формировалась общность, которая осознавала себя как целостность, отличительную от других народов, в том числе и от близких по конфессиональным характеристикам.

Как правило, рассматривалась прежде всего роль украинского казачества, в особенности — запорожского. По нашему мнению, украинское военное присутствие было более масштабным. Прежде всего речь идет о «русских» (украинских и литовско-белорусских) представителях служилой элиты Речи Посполитой. Как показывает анализ источников, именно они составляли значительную часть «полских и литовских людей», вторгшихся в пределы России. Н. Яковенко даже считает, что войны с Россией в начале XVII в. «вовлекли в походы на московскую территорию чуть ли не всю шляхту Украины-Руси»². Так, типичными представителями этой сословной группы можно считать «литовских языков», захваченных в плен в январе 1612 г. Ими оказались «Микитка Павлов из Быхова города» и «Якушка Петров из Чернобыля города»³.

В «Записки гетмана Жолкевского, данной князю Елецкому и Григорью Валугеву» указывается на различные воинские контингенты, которые пребывали под его командованием летом 1610 г. после взятия Москвы: «...Я Гетман в полковников и ротмистров, в Полских и в Литовских, и в Черкас и в гайдуков, и за всех служилых Польских и Литовских людей, и за Немец и иных земель»⁴. Можно согласиться с выводами современного белорусского историка Виктора Вераса о том, что поляки не составляли большинства в этом войске⁵.

К названной категории необходимо отнести и различного рода наемников, авантюристов и пр. Активное участие в военных действиях сыграли служилые люди из мятежной Северщины («северских городов»), украинцы по этническому происхождению.

Несомненно, особая роль в событиях Смуты принадлежит украинскому казачеству, как запорожскому, так и городскому (в источниках — запорожские казаки, запороги, казаки, черкасы, запорожские черкасы). О численности и мере участия различных групп казаков в событиях Смутного времени нет единого мнения. Так, еще Д. Яворницкий считал, что «главнейшую роль играли собственно так называемые украинские или черкасские казаки и второстепенную собственно запорожские или низовые казаки»⁶.

Участие украинских казаков в походе Лжедмитрия I достаточно полно отражено в источниках и исследовано в научной литературе (хоть и тут остаются неясности и спорные моменты). Так, Р. Скрынников полагал, что на первом этапе в войске самозванца было 2 тыс. реестровых казаков во главе с атаманом И. Куцко, к которым по пути следования присоединилось около тысячи украинцев, объявивших себя казаками⁷. Позже, уже на московской территории, под Новгород-Северский в ноябре–декабре 1604 г. в лагерь самозванца прибыл довольно крупный отряд собственно запорожских казаков. Численность этого отряда, по различным источникам, колебалась от 4 тыс.⁸ до 12 тыс. С последней цифрой был согласен и Яворницкий. Однако тут он давал некое уточнение: из 12 тыс. малороссийских казаков было 8 тыс. конников и 4 тыс. пехо-

² Яковенко Н. Латина на службі киево-руської історії («Самоенае Вострыстхенідес», 1620 р.) // Паралельний світ. Дослідження з історії уявленнь та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, 2002. С. 280.

³ Акты времени междоусобия (1610 г. 17 июля – 1613 г.) / Под ред. С. К. Богоявленского, И. С. Рябинина. М., 1915. С. 47.

⁴ Записки гетмана Станислава Жолкевского о Московской войне / Пер. с пол., предисл. и примеч. П. А. Муханова. 2-е изд. СПб., 1871. Приложение № 24. С. 61–62.

⁵ Верас В. У истоках исторической правды // <http://veras.jivebelarus.net/sodyerzhaniye/sobytiya-smutnoho-vryemyeni-v-rossii> (дата последнего посещения — 31 августа 2012 г.).

⁶ Яворницкий Д. И. История запорожских козаков: У 3 т. Київ, 1990. Т. 2. С. 137.

⁷ Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. С. 217.

⁸ Доманицкий В. Новый документ 1604 г. о Самозванце // Киевская старина. 1899. Кн. 1. С. 12.

тинцев с 12 исправными пушками; «между малороссийскими казаками немало было и собственно запорожских или низовых»⁹.

Официальная реляция про неудачный для Лжедмитрия бой в январе 1605 г. под Добрыничами Комаринской волости оповещала: «...вора Гришку Отрепьева и Литовских и Полских и Руских воров и Черкас побили на голову; а убито Польских и Литовских и Запороских Черкас и Руских воров тысящ с 15 и болши»¹⁰. В ходе боя именно казацкая пехота, несмотря на то, что была почти полностью уничтожена, своим ружейным и пушечным огнем сдержала натиск московского войска и дала Самозванцу возможность уйти. По мнению Скрынникова, после этой неудачи запорожцы в своей массе покинули пределы России, и в наступлении Лжедмитрия на Москву приняли участие только 500 украинских казаков¹¹.

После гибели Лжедмитрия I запорожские казаки оставались в пределах Московского государства. В частности, они присоединились к войску Лжепетра и приняли участие в походе на Путивль, в ходе которого был взят город Царевборисов. Позже они вместе с отрядом Лжепетра были в «тульском сидении» Болотникова. После разгрома последнего около 3 тыс. запорожцев перешли на сторону Лжедмитрия II.

В войсках Лжедмитрия II было уже значительно больше служилых людей из украинских земель — как шляхтичей, так и казаков. Н. Мархоцкий, рассказывая о походе второго самозванца, говорил: «...Дмитрий набрел на Виляреского, который шел к нему с Киевской Украйны. Его послал князь Роман Рожинский с тысячью украинцев»¹².

В описании Авраамия Палицына войск Лжедмитрия, осаждавших Троицко-Сергиевский монастырь, представлены украинские контингенты:

«...с Сапегою — польские и литовские люди, наемники подольские, гусары русские, прусские, жемоцкие, мазовецкие, а с Лисовским — дворяне и дети боярские из многих разных городов, татар много, и казаки запорожские, казаки донские, волжские, северские, астраханские»¹³.

Однако, как отмечает И. Тюменцев, у наемной части войска Лжедмитрия II не было единого командования. Хотя гетман Р. Рожинский и считался верховным главнокомандующим, из-за личной неприязни к Я. Сапеге он реально руководил только полками, сформированными из шляхтичей Киевского и Брацлавского воеводств (собственно из «русской» шляхты). Полки запорожцев подчинялись Рожинскому, а полк А. Лисовского — Сапеге¹⁴.

Правда, С. Платонов считал, что запорожцы также были достаточно непостоянным контингентом в войсках второго Лжедмитрия. Толпы запорожских казаков присоединились к самозванцу под Карачевом в октябре 1607 г. Но они «не ужились с “царем”, у которого не было чем их кормить и чем платить им: как они только поняли, что предприятие не сулит верного успеха, и увидели скудость и беспорядок в “царской” рати, они ее покинули, вероятно, сочтя себя обиженными при дележе добычи под Козельском»¹⁵.

⁹ Яворницький Д. І. Історія запорозьких козаків. С. 138.

¹⁰ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907.

¹¹ Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». С. 218.

¹² Мархоцкий Н. История Московской войны / Пер. Е. Куксиной. М., 2000. С. 29.

¹³ Сказание Авраамия Палицына // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 418.

¹⁴ Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 309–310.

¹⁵ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1995. С. 230.

По-видимому, военная удача и настроения запорожцев действительно были достаточно изменчивы. В апреле 1608 г. они снова бились против ратников Шуйского в войсках Р. Рожинского. Последний отдал приказ запорожцам изрубить 200 немцев во главе с Ламсдорфом, несмотря на то, что те добровольно перешли на сторону Самозванца¹⁶.

В 1609 г. отряд запорожцев во главе с полковником Кернозицким был отправлен Лжедмитрием в военную экспедицию на Новгород.

В войсках Сигизмунда III под Смоленском также был представлен значительный украинский казацкий контингент. При этом С. Жолкевский называл явно завышенную цифру в «30 тыс. запорожских казаков»¹⁷. Большинство исследователей сходятся на том, что в осаде Смоленска приняли участие около 10 тыс. «черкасов» под началом Олевченка, которые размещались отдельным лагерем около Духовского монастыря. Взгляды историков о результативности участия казаков в этой военной операции расходятся. Яворницкий считал, что большой пользы от них король не дождался, поскольку казаки мало занимались осадой, а больше времени промышляли грабежами в окрестных селах и городах. Тем не менее, черкасы участвовали во взятии городов северской Украины — Стародуба, Почепа, Чернигова, Новгород-Северского, Мосальска, Белой, приводя их жителей к присяге королевичу Владиславу.

В 1611 г. казаки по приказу А. Гонсевского воевали против П. Ляпунова и Д. Пожарского под Пронском и Зарайском, но потерпели поражение.

В начале 1612 г. зафиксировано присутствие черкас, из которых состоял один из отрядов Ходкевича, в Антониеве Николаевском, в 3 верстах от Краснохолма, к северу от Бежецка (зона польских войск вне Москвы)¹⁸. Узнав о весеннем наступлении сил земского ополчения, они спешно отступили. Летом 1612 г. в составе сил того же гетмана Ходкевича, который пытался пробиться к Москве, было 8 тыс. казаков из общего числа контингента в 12 тыс. человек¹⁹. «Черкасы» также были в составе польского гарнизона в Московском кремле, перенося все тяготы его осады.

Важно отметить, что различные воинские команды, прежде всего украинские казаки, воевали не только на стороне противников земской власти. Например, они входили и в состав Первого ополчения 1611 г. Так, А. Станиславский называет казаков отряда братьев Просовецких. Все же в ополчении их было гораздо меньше, чем в лагере Лжедмитрия II, поскольку большая часть черкас к тому времени перешла на службу к Сигизмунду III²⁰. 11 мая 1611 г. воеводы ополчения взяли с суздальского Покровского монастыря 40 руб. «атаманам, и казакам, и черкасам в жалование». Предводители отрядов украинских казаков (сотники) были среди тех, кто подписал приговор от 30 июня 1611 г. — важный правовой документ Первого ополчения.

Запорожские казаки, недовольные жалованием и статусом в самозванческих формированиях, действовали и самостоятельно, на «свой страх и риск». Так, в сентябре 1612 г. черкасы, отделившись от Ходкевича, захватили Вологду²¹. При этом в поморских городах

---

¹⁶ Новицкий И. П. Князья Ружинские (Памяти М. А. Максимовича) // Киевская старина. 1882. Т. 2. № 4. С. 76.

¹⁷ Записки гетмана Станислава Жолкевского о Московской войне / Пер. с польск., предисл. и примеч. П. А. Муханова. 2-е изд. СПб., 1871. С. 33.

¹⁸ Любомирский П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Переизд. М., 1939. С. 99–100.

¹⁹ Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 2. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. СПб., 1904. С. 608.

²⁰ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 35.

²¹ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7–8. М., 1989. С. 665.

распространялись непроверенные слухи о том, что «вологодское разорение» — дело рук стрельцов, направленных земской властью. Сольвычегодский воевода Г. Гагарин специально посылал «подлинно проведать, какие люди приходили к Вологде», и сообщил об этом Д. Трубецкому и Д. Пожарскому. В ответной грамоте было отписано, что князьям известно про вологодские события, «приходили на Вологду вопчие наши неприятели и поругатели крестьянской вере полские и литовские люди и черкасы изгоном из литовских же полков из Можайского и из Вяземского уезда»²². Против них был направлен многочисленный отряд во главе с воеводой князем Федором Елецким. Литва и черкасы, не вступая в бой, «прошли назад резвым же делом, к Можайску и к Вязьме».

После избрания нового московского царя Михаила Романова началась стабилизация в отношениях между различными социальными группами русского общества. Новая власть становилась все более легитимной. В этих условиях существенным фактором нестабильности оставались именно украинские воинские контингенты. Как образно выразился Н. Костомаров, «по московской Руси бродило множество черкас (малоруссов), они были чужие Московскому государству и по сердцу, и по преданиям, и готовились терзать его»²³. Характерно, что их активность наблюдалась на довольно обширной территории. Изначально черкасы присоединились к И. Заруцкому. После расправы с ним продолжали опустошать Московию в составе отрядов различных атаманов — Захара Заруцкого, Баловня, А. Лисовского.

Так, отдельные отряды украинских казаков действовали в 1613–1614 гг. на севере, доходя до Архангельска, Холмогор, Олонца²⁴.

В 1613 г. украинские казаки также воевали и на Северщине. Отправившись из Киева «малороссийския киевския страны», П. Сагайдачный с «воинством своим» прошел по маршруту Путивль — Болхов — Белев — Лихвин — Перемышль — Калуга «и много зла сотвори и православных христиан крови пролия»²⁵. При приближении московских войск казаки отошли к Вязьме и Дорогобужу, позже, оставив эти города, начали неудачную осаду Белой. Через Курский уезд войска Сагайдачного вернулись в Киев.

Нидерландские посланники указывали о рейде по московским землям в ноябре 1615 г. А. Лисовского, который, «побывав несколько времени около Торжка, между Москвой и Осташковом, отправился в Ростов, сжег город и пустился далее мимо Ярославля через Волгу до Данилова <...> с Данилова, поворотив на юго-восток через Рязань, он воротился в Польшу»²⁶.

Наиболее массовое участие украинского казачества в польско-московской войне 1617–1618 гг., во время похода королевича Владислава, довольно обстоятельно освещены в новейшей монографии П. Саса²⁷ и в ряде научно-популярных

²² Грамота Трубецкого и Пожарского в Соль-Вычегодскую 11 ноября 1612 г. // Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 237.

²³ Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 2. С. 628.

²⁴ Грушевський М. С. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. Т. VII. Козацькі часи — до року 1625. Київ, 1995. С. 337.

²⁵ Л-ский А. [Лазаревский А.] Еще известие о московском походе Сагайдачного // Киевская старина, 1886. Т. 14. № 1. С. 201.

²⁶ Посольство ван Бредероде, Басса и Иоакими в Россию и их донесение Генеральным штатам // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов) / Отв. ред. Н. М. Рогожин, сост. Г. И. Герасимова. М., 1991. С. 228.

²⁷ Сас П. М. Запорожці у польсько-московській війні наприкінці Смути 1617–1618 рр. Біла Церква, 2010. 512 с.

изданий²⁸. Тут лишь отметим, что сама кампания началась отвлекающими действиями запорожцев на южных рубежах Московского государства. В январе 1617 г. 12-тысячный отряд во главе с кн. Ю. Вишневецким штурмовал Путивль²⁹, а в феврале запорожцы захватили Оскол и пытались с ходу занять Воронеж. К московскому походу Владислава «зазывались» и локальные отряды запорожцев, в частности находящиеся на территории Белоруссии.

Однако наибольшее воздействие на ход военной операции оказало казацкое войско под предводительством запорожского гетмана П. Конашевича-Сагайдачного, которое в июне 1618 г. начало свой московский поход от берегов р. Рось. Этот контингент первоначально насчитывал 20 тыс. казаков. Несмотря на ощутимые потери во время боев, общая его численность не уменьшалась. Более того, как считает П. Сас, даже немного выросла и превышала 20 тыс. Такая положительная динамика объясняется постоянным подходом новых казацких подкреплений с территории Украины³⁰. В ходе своего продвижения к Москве украинские казаки овладели Ливнами, Ельцом, Данковым, Лебедяном, Скопином, Сапожком, Рязком, Шацком, Касимовым, Романовым и др. укрепленными городами. Защитники Пронска, Михайлова, Переяслав-Рязанского, Зарайска, Серпухова, Каширы, Калуги отразили попытки штурма запорожцев и выстояли, хоть и понесли ощутимые потери. При этом российские источники изобилуют информацией о крайней жестокости казацкого войска относительно местного православного населения.

Украинское казачество воевало на стороне Речи Посполитой до Деулинского перемирия. И даже после его подписания еще некоторое время продолжались отдельные выступления, особенно в северных районах. 20 декабря 1618 г. отряд украинских и русских казаков во главе с «черкашенином» Василием Москвитиным неудачно штурмовал Вологду. Отступив от крепости, казаки заняли Спасо-Прилуцкий монастырь. В следующем, 1619 г., отряд полковника Якуша (Якова) Шиша разорил Каргопольский уезд³¹.

Таким образом, более чем 15 лет служилые люди с украинских земель и запорожцы принимали активное участие в политических событиях и боевых действиях на территории Московского царства. Это было наиболее длительное и наиболее массовое их пребывание в пространстве новой для них социальной и культурной реальности.

Мотивация таких действий не была лишь меркантильной, связанной с получением военной добычи и реализацией казацкого промысла. Тут уместно вспомнить идею Н. Костомарова об особом отношении украинского казачества к самозванству: «Украинские удалыцы постоянно искали личности, около которой могли собраться; давать приют самозванцам и вообще помогать смелым искателям приключений у казаков сделалось как бы обычаем»³².

---

²⁸ Гуржій О. І., Корнієнко В. В. Гетьман Петро Конашевич-Сагайдачний. Київ, 2004. 192 с.; Брехуненко В. Війни українських козаків з Росією до часів Богдана Хмельницького. Київ, 2007. 64 с.; Комарницький С. І. Герой Кафи, Москви і Хотина. (До 390-річчя Хотинської війни 1621 року). Чернівці, 2011. 144 с.

²⁹ Документи російських архівів з історії України. Т. 1. Документи до історії козацтва 1613–1620 рр. / Упор. Л. Войтович, Л. Заборовський, Я. Ісаєвич, Ф. Сисин, А. Турилов, Б. Флоря. Львів, 1998. С. 72. № 15.

³⁰ Сас П. М. Запорожці у польсько-московській війні... С. 361.

³¹ Станіславський А. Л. Гражданская война в России XVII в. ... С. 196–197.

³² Костомаров Н. И. Названный Дмитрий // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. 4-е изд. СПб., 1896. Т. 1. С. 603–604.

Более глубокое понимание сути московской политики украинских казаков находим у современных историков В. Брехуненко и С. Лепявко. Они констатируют отличие комплекса мотивов активности украинского казачества от других казацких формирований. Участие в Смуте воспринималось ими через призму тактики легитимации своих претензий к Варшаве благодаря участию в ее военных кампаниях против Москвы. Московское государство они воспринимали как удобный объект легального в глазах Польши использования своей воинской силы³³.

В действиях тех же запорожцев присутствовал и сословный интерес — выторговать у властей Речи Посполитой определенные уступки в деле сохранения своих «прав и вольностей», и национально-конфессиональный — защитить Православную церковь.

Среди видных военных и политических деятелей Смутного времени различной ориентации, как указывают отдельные исследователи, были русины (украинцы) за происхождением. К ним можно отнести Ивана Мартыновича Заруцкого. Существует информация о том, что он был родом из Тернополя, после татарского плена попал к донским казакам, а оттуда уже — в Россию.

Обращалось внимание и на русинские корни гетмана Станислава Жолкевского, которые, несмотря на полученное им польское воспитание, содействовали его желанию «прекратить вековую распрю» России с Речью Посполитой. Отсюда — его активное участие в заключении договора об унии этих государств под скипетром Владислава.

Особенные отношения с украинским казачеством сложились у князей Рожинских (Ружинских). Представитель это рода — Роман, сын гетмана Кирилла Рожинского, прибыв к Лжедмитрию II, произвел переворот, сместив с поста главнокомандующего Меховецкого, и стал гетманом войск самозванца. После распада Тушинского лагеря он решил присоединиться к армии короля Сигизмунда III. Н. Яковенко обоснованно ставит под сомнение традиционный взгляд на него как на конвертита-католика. Можно прислушаться к ее мнению о том, что князь до конца своей жизни оставался униатом, или даже ортодоксальным православным³⁴.

Некоторые украинские историки считают украинским по происхождению, но уже полностью полонизованным и покатоличенным на рубеже XVI и XVII вв. род Сапег, представители которого — Лев Иванович и Ян Петр — сыграли не последнюю роль в событиях московской войны³⁵. Существует более распространенное мнение — о белорусских корнях указанного рода.

На завершающем этапе Смуты наиболее яркой личностью, представляющей украинскую сторону, несомненно, был гетман Петр Конашевич-Сагайдачный. Под его командованием был и не менее известный полковник Михайло Дорошенко.

Украинская составляющая позволяет рассмотреть в несколько ином свете и церковно-конфессиональный аспект Смуты.

Тут несложно увидеть явное несовпадение официальной риторики (практически всех участников конфликта) и реальной конфессиональной характеристики противостоящих

³³ Брехуненко В., Леп'явко С. Українське козацтво і Московія в XVI – першій половині XVII століття // Перемиславська рада 1654 року (Історіографія та дослідження). Київ, 2003. С. 724.

³⁴ Яковенко Н. Релігійні конверсії: Спроба погляду зсередини // Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, 2002. С. 17–18.

³⁵ Мицик Ю. Вступ // Гваньїні О. Хроніка європейської Сарматії / Упор. та пер. з пол. о Юрія Мицика. 2 вид., доопрац. Київ, 2009. С. 8.

сторон. Дискурс официальной Москвы неизменно был выдержан в духе последовательной борьбы за православную веру, поскольку

«...всякие люди, соединясь, целовали промеж себе животворящий крест Господень на том, что всем нам вкпе единодушно за дом Пресвятой Богородицы и великих чудотворцев Московских и за истинную нашу православную христианскую веру и за Московское государство помереть и против свирепонравных врагов наших Польских и Литовских людей с единомышленники их еретики и богоотступники <...> стать и с ними битись до смерти»³⁶.

Таким образом, Московское государство мыслилось единственным защитником православия. Отсюда же исходила идея «отступления» представителей противоположной стороны от «истинной» христианской веры. Типичные определения, данные Авраамием Палицыным: «Богоотступники же, литовские люди и русские изменники», «окаянные лютеране и русские изменники», «еретическое же исчадие и изменники русские» (и персонально — «богоборцы Сапега и Лисовский»), которые противопоставлялись «всему христоролюбивому воинству, и всем православным христианам». В грамотах патриарха Гермогена украинские казаки характеризовались не иначе как «губителями христианскими», «отступившими от Бога и от православной веры»³⁷. В грамотах царя Михаила Федоровича, направленных в 1618 г., присутствует стабильная формула обвинения противников «...крестьянская кровь от литовских людей и от черкас проливаетца и святые Божии церкви от них оскверняютца и разоряютца...»³⁸

Результативность такой риторики, по нашему мнению, нивелировалась тем, что в ее основе лежала политическая лояльность, а не чисто конфессиональное мышление. Более того, негативные характеристики не были константными, они довольно просто превращались в свою противоположность, стоило какому-либо персонажу перейти с «воровской» стороны на «истинно» христианскую. В свою очередь, самозванцы также заботились о «духовной» легитимации своей власти: Лжедмитрий I через особу патриарха Игнатия, Лжедмитрий II — через «нареченного патриарха» Филарета.

Кроме того, следует учитывать, что Православная церковь в период Смуты оказалась в состоянии глубокого кризиса, вызванного нарушением симфонии между «Царством» и «Священством». Одним из внешних проявлений этого кризиса, как точно подметил В. Лурье, было то, что большинство архиереев Московской церкви, в отличие от Иова и Гермогена, безотказно принимали сторону преобладающей светской политической силы, даже силы католической³⁹. Лидером беспринципного епископского большинства часто называют Филарета Романова. Иллюстрацией такой соглашательской политики, к примеру, могут служить многочисленные письма российских архиереев (к примеру, архимандрита Ярославского Спасского монастыря Феофила) к Яну Сапеге с прошениями о различных милостях⁴⁰. Естественно, что современники не испытывали особенного доверия к таким архиереям.

---

³⁶ Акты времени междуцарствия... С. 45–46.

³⁷ Восстание И. Болотникова. Документы и материалы / Сост. А. И. Копанев и А. Г. Маньков. М., 1959. С. 196–197.

³⁸ Документи російських архівів з історії України. Т. 1. Документи до історії козацтва 1613–1620 рр. Львів, 1998. С. 139, 154.

³⁹ Лурье В. М. Русское православие между Киевом и Москвой. Очерк истории русской православной традиции между XV и XX веками. М., 2009. С. 147.

⁴⁰ Письма Смутного времени / Тексты подготовлены к публикации Б. Н. Морозовым // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 447.

Со своей стороны, одним из основных мотивов обоснования активности Сигизмунда III в московских делах было распространение католической веры и искоренение «греческих суеверий»⁴¹. В инструкции посольству к папе Павлу V основной целью короля в московской войне было определено — «утвердить христианство против варварства и саму Московию обратить от раскола к этому святому апостольскому престолу»⁴². Ясно, что такие заявления в условиях военного противостояния не могли получить какого-нибудь практического осуществления. Более того, официальная Речь Посполитая в контактах с различными политическими группами московской стороны демонстрировала конфессиональную толерантность, пытаясь тем самым привлечь к себе больше сторонников⁴³.

В реальности воинские контингенты Речи Посполитой на московской территории и формирования самозванцев были поликонфессиональными, включали католиков, униатов, православных, протестантов.

Присутствие в них большого числа православных украинцев вызывало вполне объяснимые сомнения в жестком конфессиональном антагонизме, содействовало сглаживанию восприятия противников как «латинян» или «еретиков». Верующие восточного обряда из Украины (православные, возможно и униаты) удовлетворяли свои религиозные потребности в русских церквях: участвовали в богослужениях, отправлении треб. Так, киевский купец Богдан (Божко) Балыка, оказавшись в составе осажденного гарнизона Московского кремля в 1612 г., вместе с товарищами принял участие в службе в соборной церкви Пресвятой Богородицы⁴⁴. Остается открытым вопрос о практике допущения украинцев к исповеди и причастию. Поскольку, как увидим далее, официальная оценка их соответствия «истиной вере» оказалась далеко не толерантной.

Достаточно сложной для научной интерпретации оказалась проблема единоверия противоборствующих сторон. События Смуты показали, что православные черкасы не ощущали каких-либо моральных препятствий (в том числе и религиозных) в «разорении единоверного Московского государства». Для историографии XIX в. были характерны попытки «сгладить» этот неудобный сюжет. Так, в свое время М. Максимович предложил полностью фантастическую гипотезу о причинах отказа Сагайдачного от штурма Москвы в канун праздника Покрова. Будто у этого грозного гетмана, великого защитника православия, внезапно возникли душевные переживания, рожденные осознанием пагубности попытки «крушить единоверную ему Русскую столицу для того, чтоб отдать ее в руки иноверца». Более того, такие мысли пришли в голову гетману под воздействием колокольного звона московских церквей, созывающих православных к утренней службе на праздник Покрова⁴⁵. Н. Костомаров также бездоказательно убеждал читателя, что в вопросе веры малороссийские казаки чувствовали свое единение с Московским государством и становились в ряды его защитников⁴⁶.

⁴¹ Акты времени междоусобия... С. 150.

⁴² Там же. С. 188.

⁴³ Еще Н. Костомаров обращал внимание на то, что в договоре 17 августа 1610 г. поляки не могли выторговать даже одного костела для приезжих в Москве (см.: *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 2. С. 468).

⁴⁴ [Антонович В. Б.] Записки киевского мещанина Божка Балыки о московской осаде 1612 г.: Из летописного сборника Ильи Кошачковского // Киевская старина. 1882. Т. 3. № 7. С. 103.

⁴⁵ *Максимович М. А.* Сказание о гетмане Петре Сагайдачном // Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Под ред. В. Б. Антоновича. Киев, 1876. С. 362.

⁴⁶ *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 2. С. 645.

Д. Яворницький уже отмечал амбивалентность в действиях украинского казачества: «Действуя с невероятным ожесточением против своих же собратий, людей православной веры на севере России, запорожские и украинские казаки в то же время весьма энергично отстаивали православную веру на юге...»⁴⁷ Действительно, именно в это время запорожское казачество включается в активную борьбу по защите православия в Речи Посполитой. Убедительное объяснение этому парадоксу предлагает С. Плохий. Он считает, что казачеству в то время не хватало ощущения, что оно относится к более широкой конфессиональной общности, которая объединяла бы в одну религиозную общину не только православных Речи Посполитой, но и православных жителей Московии и османских владений⁴⁸.

Аналогичную позицию занимает и Т. Опарина, которая также склоняется к выводу, что защитники православия в Речи Посполитой так и не стали защитниками веры в России. Постоянное участие того же Сагайдачного в военных кампаниях в Московском государстве «свидетельствует о дистанции двух ветвей православия, о признании различий между ними»⁴⁹. Более того, эта исследовательница высказала предположение, что в русском обществе того времени ходили суждения о вероисповедании православных «черкас» как «неверцев», наряду с католиками, протестантами, униатами⁵⁰. Поэтому утверждение Р. Скрынникова об увеличении симпатий православных казаков к России после Брестской унии 1596 г.⁵¹ требует существенного уточнения и коррекции.

Можно согласиться и с теми исследователями, которые говорят об эффекте т. н. «жолнерской веры» (важной части воинской субкультуры Центральной и Восточной Европы) в казацкой среде, когда эти профессиональные воины ограничивались очень поверхностными религиозными навыками, а «мотив профессиональной самоидентификации доминировал над этнической или конфессиональной тождественностью»⁵². Исходя из этого императива, в войне с православными украинские казаки не видели конфессионального конфликта⁵³.

Зато эскалация православной «исключительности» с московской стороны в противостоянии «латинянам» (католикам и «испорченным ересью») православным Речи Посполитой) усиливала конфессиональную составляющую военного противоборства, превращала династическую войну в религиозную. Именно во время Смуты в русском религиозном сознании фиксируется внимание на отдельных святых, прежде всего на Троицко-Сергиевской лавре. Неслучайно, как замечает А. Сулима Каминский, осада армией Владислава этого монастыря — одной из наиболее почитаемой в Московии святыни — не только резко уменьшила шансы королевича на успех (занятие московского трона), но и придала последующим польско-российским войнам религиозную окраску⁵⁴.

---

⁴⁷ Яворницький Д. І. Історія запорозьких козаків. С. 141.

⁴⁸ Плохий С. Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранномодерній Україні. Пер. з англ. Київ, 2005. С. 353.

⁴⁹ Опарина Т. Украинские казаки в России: Единоверцы или иноверцы? (Микита Маркушевский против Леонтия Плещеева) // Соціум. Альманах соціальної історії. 2003. Вип. 3. С. 43.

⁵⁰ Опарина Т. Украинские казаки в России... С. 31.

⁵¹ Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 230.

⁵² Яковенко Н. Скільки облич у війни: Хмельниччина очима сучасників // Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, 2002. С. 206–208.

⁵³ Опарина Т. Украинские казаки в России... С. 23.

⁵⁴ Камінський Сулима, А. Історія Речі Посполитої як історія багатьох народів, 1505–1795. Громадяни, їхня держава, суспільство, культура. Пер. с пол. Я. Стріха. Київ, 2011. С. 109.

Наблюдалась парадоксальная, с конфессиональной точки зрения, ситуация: массово распространялись обращения московских властей к татарам (мусульманам) с призывами бороться за нашу «общую веру» против «польских и литовских людей» (католиков и православных). Из грамоты Василия Шуйского к Свияжским татарам, чувашам и черемисам:

«И как к вам ся наша грамота придет и вы б князи и мурзы и татарове служилые и ясачные чуваша и черемиса и вперед по тому ж, памятуя Бога и свою правду, на чом нам шертовали, нам служили и прямили и по воровской смуте разорять себя не давали и наше к себе жалованье и свою к нам прежнюю службу памятовали, как нам служили»⁵⁵.

Выходило, что «свои» мусульмане оказались ближе, нежели единоверные казаки из Речи Посполитой.

В конце концов эскалация конфессионального противоборства завершилась принятием на Московском соборе 1620 г. «Указа, како изыскивати и о самех белорусцах», который свидетельствовал об официальном непризнании православных Речи Посполитой единоверцами, со всеми вытекающими из этого последствиями (перекрещивание и пр.). Более того, эта религиозная исключительность, по сути, переросла в религиозное превосходство, в убеждение, что за рубежами Московского царства не может существовать не только православия, но и христианства⁵⁶.

Конфессиональный аспект также изобилует дискуссионными сюжетами, к числу которых следует отнести утверждение о «покаянии» П. Сагайдачного, предупреждение М. Смотрицкого в «Треносе» 1610 г. о недопустимости противостояния православных с православными и пр.

Представляется возможным выделить и культурно-идентифицирующий аспект Смуты. Как правило, исследователи практически не акцентировали внимание на ее этнических характеристиках. Исключением из этой историографической ситуации можно считать взгляды Л. Гумилева, который считал, что «схватка за власть между представителями разных субэтнотосов севера и юга страны, находящейся в акматической фазе этногенеза, и вызвала первую русскую Смуту»⁵⁷. Среди активных участников противоборства им упомянуты севрюки (потомки северян). На самом деле это субэтнос украинского, а не русского этноса. Неслучайно и сам Гумилев, рассматривая севрюков как сторонников Лжедмитрия I, считал, что в их восстании выявилась этническая противоположность великороссам. По нашему мнению, в условиях такого масштабного конфликта наблюдалась трансформация общественного статуса этничности. Уступая сословному и религиозному самоопределению, этническая идентификация все же перестает быть приватной и начинает приобретать некую общественную артикуляцию.

В свое время М. Грушевский обращал внимание на значение событий Смуты для социально-сословной идентификации украинского казачества⁵⁸.

Если провести социально-психологический срез, то несложно заметить, что активное участие в событиях Смуты усиливало дилемму «свой–чужой». Так, еще Д. Яворницкий объяснял вражду, которую высказывали украинские казаки в отношении великороссов,

⁵⁵ Акты времени правления царя Василия Шуйского. (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / Сост. А. М. Гнеушев. М., 1914. С. 38. № 34.

⁵⁶ Плохий С. Наливайкова віра... С. 376.

⁵⁷ Гумилев Л. Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. СПб., 2002. С. 234.

⁵⁸ Грушевський М. С. Історія України-Руси... С. 322.

именно идентификационной составляющей: «Различие в исторической судьбе, различие в культуре, языке, костюме, общественном строе, отчасти в обрядностях веры сделали южноруссов, в особенности запорожских казаков, во многом несхожими с великоруссами. И по внешним приемам, и по внутренним воззрениям южноруссы скорее имели сходство с поляками, чем с великоруссами»⁵⁹.

В. Брехуненко и С. Лепявко считают неизменными отправные позиции казачьих подходов к отношениям с Москвой — осознание казаками своей принадлежности к украинскому миру и к социально-политической системе Речи Посполитой⁶⁰. Встреча и активное взаимодействие Московской и Западной Руси (Украины и Белоруссии) сопровождалась более четкой идентификацией представителей последней как самобытных этнических и этнокультурных общностей. На важность явления взаимного познания «Иного» во время длительных военных конфликтов указывали и современники. Так, А. Гваньини в «московской книге» своей Хроники, опираясь на собственные наблюдения, констатировал:

«Раньше москва думала, что мы не христиане, имела очень ошибочные представления о нашей Речи Посполитой, про могущество, про мужество, про правление, про права, про вольности. Теперь же с помощью чудесного Божьего провидения в том крае понемногу, хоть и помалу, хоть и с далека, лучше познают они нас, а мы их»⁶¹.

Геополитический аспект, очевидно, наименее осмыслен в историографии. Он состоит прежде всего в том, что территория и население Украины в событиях Смутного времени могут быть позиционированы относительно России как часть Европы. Эта ситуация формировалась более открытым характером социума, соответствующей политической системой и традиционными культурными, интеллектуальными, экономическими и иными связями. Научный смысл вопроса состоит, однако, в том, насколько результативной была эта «цивилизационная встреча». Реакция доминирующей части московской элиты была далеко не комплиментарной (рассмотренные источники пока не позволяют судить об отношении простого русского человека). Очевидно, что милитаризованный образ «единоверных братьев» оказался отнюдь не привлекательным. В период Смуты, как считал еще Н. Костомаров, Московская Русь, более чем когда-либо прежде, столкнулась с Западной Европой, но «ничего не переняла, не усвоила и не развратилась от их влияния»⁶². Современные исследователи не так категоричны в ответе на поставленный вопрос. Так, А. Станиславский отмечает, что русские казаки заимствовали у своих украинских товарищей обычай кормлений — приставств, который в России в начале XVII в. распространился даже шире, чем в Речи Посполитой⁶³.

В этом контексте также интересно рассмотреть попытку династической унии Москвы с Речью Посполитой под властью Владислава (т. н. договоры 4 (14) февраля и 17 (27) августа 1610 г.). Эту акцию можно рассматривать как логическое продолжение проекта о федеративном объединении двух государств, с которым выступал Л. Сапега на переговорах в Москве еще осенью 1600 г. Хотя указанная идея не стала реально-

⁵⁹ Яворницький Д. І. Історія запорозьких козаків. С. 141.

⁶⁰ Брехуненко В., Леп'явко С. Українське козацтво і Московія в XVI – першій половині XVII століття. С. 744.

⁶¹ Гваньїні О. Хроніка європейської Сармагії / Упор. та пер. з пол. о Юрія Мицика. 2 вид., доопрац. Київ, 2009. С. 677–678.

⁶² Документи російських архівів з історії України. Т. 1. Документи до історії козацтва 1613–1620 рр. / Упор. Л. Войтович, Л. Заборовський, Я. Ісаєвич, Ф. Сисин, А. Турилов, Б. Флоря. Львів, 1998. С. 638.

⁶³ Станиславський А. Л. Гражданская война в России XVII в. ... С. 244.

стью, она имеет определенный научный интерес, поскольку показывает наличие некой исторической альтернативы дальнейшего развития России. Для ее определения мог бы пригодиться украинский и белорусский опыт существования в условиях политической системы Речи Посполитой. Вопрос о возможных перспективах польско-русской федерации обстоятельно рассмотрен Б. Н. Флорей⁶⁴.

Отдельные моменты геополитического аспекта касаются анализа вопроса о том, насколько самостоятельным субъектом в событиях Смуты выступала украинская сторона и насколько указанные события могут быть вписаны в контекст борьбы различных частей бывшей Киевской Руси за доминирование. Интересно, что ответ на них пытался дать еще представитель украинской романической историографии М. Максимович. В своей более ранней работе он утверждал: «Борьба Западной или Литовской Руси с Восточной или Московской Русью была уже окончанием древней удельной борьбы: и нашествие Сагайдачного было последним ее отзывом»⁶⁵. Таким образом, выходило, что украинское казачество абсолютно самостоятельно и сознательно вело войну с Москвой, завершая прежнее противостояние вокруг киевского наследства.

Однако в своей статье о Сагайдачном, опубликованной через семь лет, историк радикально изменил свои оценки. Теперь он убеждал читателей в том, что «нашествия западной Руси на Восточную, со времен Батория, были уже принадлежностью роковой борьбы Польши с Москвой, а не прежнюю самопроизвольную усобицею разрозненных частей Русского мира»⁶⁶. Последняя мысль более адекватно отражает суть событий.

Изоляционистская политика Москвы после Смуты на определенное время закрывала украинский сегмент европеизации. После Смуты в официальных документах Московского государства — царских грамотах — украинское казачество (черкасы), наряду с поляками, причислялись к «искони вечным врагам» России⁶⁷. Украинская составляющая европеизации России будет снова востребована лишь во время царствования Петра I.

Таким образом, различные сословия и политические силы Украины, принимая участие в событиях Смутного времени в России в начале XVII в., преследовали свои цели. Они могли не совпадать с намерениями властей Речи Посполитой и самозванцев, но не могли существенно изменить ход исторических событий. В этом смысле «украинский фактор» выглядел как второстепенный для Московского государства (впрочем, как и любой внешний фактор, поскольку рассмотренный кризис был прежде всего внутренним). Однако без него Смута не приобрела бы таких масштабов и продолжительности. Наблюдалась тенденция к возрастанию значения украинского фактора. Это в частности выразилось в том, что на завершающем этапе Смуты именно запорожцы П. Сагайдачного были основной военной силой в польско-московской войне.

Более того, события Смутного времени имели большое значение для процессов на самих украинских землях, проявляясь в социальной, становой, религиозной, культурной и национальной сферах. Непосредственное воздействие имел военно-политический аспект, однако церковно-конфессиональный, культурно-идентифицирующий и геополитический.

⁶⁴ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 249–285.

⁶⁵ Максимович М. А. Исследование о гетмане Петре Конашевиче Сагайдачном // Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Под ред. В. Б. Антоновича. Киев, 1876. С. 343–344.

⁶⁶ Максимович М. А. Сказание о гетмане Петре Сагайдачном... С. 361.

⁶⁷ Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород, 2004. С. 153.

литического аспекты указанной проблемы выглядят более глобальными и исторически значимыми. Именно они определили последующее развитие всего восточноевропейского региона.

Данные о статье

Автор: Масненко, Виталий Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Черкасский национальный университет им. Богдана Хмельницкого, Украина, masnenko@ukr.net

Заголовок: Украинский фактор в событиях Московской смуты в начале XVII в.

Резюме: В статье обращается внимание на военный, церковно-конфессиональный, культурно-идентифицирующий и геополитический аспекты украинского участия в русской Смуте. «Русская» (украинская и литовско-белорусская) шляхта и запорожское казачество в составе войск Лжедмитрия I, Сигизмунда III, Станислава Жолкевского, Яна Кароля Ходкевича, Лжедмитрия II. Присутствие православных сглаживало восприятие противника как «латинян» или «еретиков». Взаимодействие Московской и Западной Руси (Украины и Белоруссии) содействовало более четкой идентификации представителей последней как самобытных этнических общностей. Территория и население Украины в событиях Смутного времени представляли часть Европы. Изоляционистская политика Москвы после Смуты на определенное время закрыла этот канал европеизации.

Ключевые слова: Смута, Московское государство, украинский фактор, «литовские люди» и «черкасы», православные и «латиняне»

Литература, использованная в статье

Брехуненко, Віктор; Леп'явко, Сергій. Українське козацтво і Московія в XVI – першій половині XVII століття // Переяславська рада 1654 року (Історіографія та дослідження). Київ: Смолоскип, 2003. С. 701–746.

Брехуненко, Віктор. Війни українських козаків з Росією до часів Богдана Хмельницького. Київ, 2007. 64 с.

Грушевський, Михайло Сергійович. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. Т. VII. Козацькі часи — до року 1625. Київ: Наукова думка, 1995. 628 с.

Гумилев, Лев Николаевич. От Руси до России. Очерки этнической истории. Санкт-Петербург: ООО «Издательский дом «Кристалл», 2002. 352 с.

Гуржій, Олександр Іванович, Корнієнко, Вадим Васильович. Гетьман Петро Конашевич-Сагайдачний. Київ: Вид-во «Україна», 2004. 192 с.

Камінський Суліма, Анджей. Історія Речі Посполитої як історія багатьох народів, 1505–1795. Громадяни, їхня держава, суспільство, культура. Пер. с пол. Я. Стріха. Київ: Наш час, 2011. 263 с.

Комарницький, Сергій. Герой Кафи, Москви і Хотина. (До 390-річчя Хотинської війни 1621 року). Чернівці: Золоті литаври, 2011. 144 с.

Костомаров, Николай Иванович. Борис Годунов. Названный Дмитрий. Марина Мнишек. Василий Шуйский. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Патриарх Гермоген и Прокопий Ляпунов. Троицкий архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицин. Козьма Захарыч Минин-Сухорук и князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Филарет Никитич Романов // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. 4-е изд. Санкт-Петербург, 1896. Т. 1. С. 556–727.

Костомаров, Николай Иванович. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 2. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Санкт-Петербург, 1904. 672 с.

Лурье, Вадим Миронович. Русское православие между Киевом и Москвой. Очерк истории русской православной традиции между XV и XX веками. Москва: Три квадрата, 2009. 296 с.

Любомиров, Павел Григорович. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Переизд. Москва: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1939. 442 с.

Максимович, Михаил Александрович. Исследование о гетмане Петре Конашевиче Сагайдачном // Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Под ред. В. Б. Антоновича. Киев, 1876. С. 336–357.

Максимович, Михаил Александрович. Сказание о гетмане Петре Сагайдачном // Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Под ред. В. Б. Антоновича. Киев, 1876. С. 358–386.

Опарина, Татьяна Анатольевна. Украинские казаки в России: Единoverцы или иноверцы? (Микита Маркушевский против Леонтия Плещеева) // Соціум. Альманах соціальної історії. 2003. Вип. 3. С. 21–44.

Патков, Андрей Игоревич. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород: Изд-во «КОНСТАНТА», 2004. 352 с.

Платонов, Сергей Федорович. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). Москва: Памятники исторической мысли, 1995. 470 с.

Плохий, Сергій. Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранномодерній Україні. Пер. з англ. Київ: Критика, 2005. 496 с.

Сас, Петро Михайлович. Запорозжці у польсько-московській війні наприкінці Смуты 1617–1618 рр. / НАН України. Інститут історії України. Біла Церква: Вид. О. В. Пшонківський, 2010. 512 с.

Скрынников, Руслан Григорьевич. Россия в начале XVII в. «Смута». Москва: Мысль, 1988. 283 с.

Скрынников, Руслан Григорьевич. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. 328 с.

Соловьев, Сергей Михайлович. Сочинения: В 18 кн. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7–8. Москва: Мысль, 1989. 752 с.

Станиславский, Александр Лазаревич. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. Москва: Мысль, 1990. 270 с.

Тюменцев, Игорь Олегович. Смута в России в начале XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. 600 с.

Ульяновский, Василий Иринархович. Смутное время. Москва: Европа, 2006. 464 с.

Ульяновский, Василь Иринархович. Лжедмитрій I і Україна (політичні аспекти) // Україна і Польща в період середньовіччя. Київ, 1991. С. 73–85.

Флоря, Борис Николаевич. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. Москва, 1978. 302 с.

Яворницький, Дмитро Іванович. Історія запорозьких козаків: У 3 т. Київ: Наукова думка, 1990. Т. 2. 560 с.

Яковенко, Наталія. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, Критика, 2002. 416 с.

Information about the article

Author: Masnenko, Vitaliy, Doctor in History, professor, Cherkasy National University, Ukraine, masnenko@ukr.net

Title: Ukrainian factor in the events of Muscovy Time of Troubles

Summary: The article pays attention to the military, church-confessional, cultural and identifying, geopolitical aspects of the Ukrainian participation in the Russian Time of Troubles. It tackles the problem of Rus (Ukrainian and Lithuanian-Belarusian) Szlachta and Zaporozhian Cossacks in the armies of False Dmitry I, Zygmunt III, Stanislaw Zolkiewski, Jan Karol Chodkiewicz, False Dmitry II. The presence of the Orthodox believers smoothed the perception of the enemy as «the Romans» and «the heretics». The interaction between Moscow and Western Rus (Ukraine and Belarus) contributed to the clear identification of the representatives of the latter as distinctive ethnic groups. The lands and people of Ukraine in the Time of Troubles events were part of Europe. The isolationist policy of Muscovy, after the Time of Troubles closed for a certain period of time the channel of Europeanization.

Key words: The Time of Troubles, Muscovy, «the Ukrainian factor», «the Lithuanians» and «Cherkasy», the Orthodox believers and «the Romans»

References

Brehunenکو, Viktor. *Vijni Ukraїns'kih kozakiv z Rosieyu do chasiv Bogdana Hmel'nic'kogo*. Kiїv, 2007. 64 s.

Brehunenکو, Viktor; Lep'yavko, Sergij. Ukraїns'ke kozactvo i Moskoviya v XVI – pershij polovini XVII stolittya, in *Pereyaslavs'ka rada 1654 roku (Istoriografiya ta dosl idzhennya)*. Kiїv: Smoloskip, 2003. S. 701–746.

Florya, Boris Nikolaevich. *Rusko-pol'skie otnosheniya i politicheskoe razvitie Vostochnoj Evropy vo vtoroj polovine XVI – nachale XVII v. [Russia-Poland relations and political development in Eastern Europe in the second half of the 16th – early 17th century]*. Moskva, 1978. 302 s.

Grushevs'kij, Mihajlo Sergijovich. *Istoriya Ukraїni-Rusi [History of Ukraine-Rus]*: V 11 t., 12 kn. T. VII. Kozac'ki chasi — do roku 1625. Kiїv: Naukova dumka, 1995. 628 s.

- Gumilev, Lev Nikolaevich. *Ot Rusi do Rossii. Ocherki etnicheskoy istorii* [From the Rus to Russia. *Ethnic History essays*]. Sankt-Peterburg: OOO «Izdatel'skij dom «Kristall», 2002. 352 s.
- Gurzhiy, Olexsandr Ivanovich; Kornienko, Vadim Vasil'ovich. *Get'man Petro Konashevich-Sagajdachnij*. Kiiv: Vid-vo «Ukraïna», 2004. 192 s.
- Kamins'kij Sulima, Andzhej. *Istoriya Rechi Pospolitoj yak istoriya bagat'oh narodiv, 1505–1795. Gro-madyani, ihnya derzhava, suspil'stvo, kul'tura*. Per. s pol. Ya. Striha. Kiiv: Nash chas, 2011. 263 s.
- Komarnic'kij, Sergij. *Geroj Kafj, Moskvi i Hotina. (Do 390-richchya Hotins'koj vijni 1621 roku)*. Chernivci: Zoloti litavri, 2011. 144 s.
- Kostomarov, Nikolaj Ivanovich. *Sobranie sochinenij. Istoricheskie monografii i issledovaniya* [Collected works. Historical monographs and studies]. Kn. 2. *Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva v nachale HVII stoletiya*. Sankt-Peterburg, 1904. 672 s.
- Lur'e, Vadim Mironovich. *Russkoe pravoslavie mezhdru Kievom i Moskvoy. Ocherk istorii russkoj pravoslavnoj tradicii mezhdru XV i XX vekami* [Russian Orthodoxy between Kiev and Moscow. *Essay on the history of the Russian Orthodox tradition between 15th and 20th century*]. Moskva: Tri kvadrata, 2009. 296 s.
- Lyubomirov, Pavel Grigorovich. *Ocherk istorii Nizhegorodskogo opolcheniya 1611–1613 gg.* [Essay on the History of Nizhny Novgorod's militia 1611–1613]. Perezid. Moskva: Gos. soc.-ekonom. izd-vo, 1939. 442 s.
- Maksimovich, Mihail Aleksandrovich. *Issledovanie o getmane Petre Konasheviche Sagajdachnom* [Study on the Hetman Petro Konashevich-Sagaidachnij], in Antonovich V. B. (ed.). *Sobranie sochinenij*: V 3 t. T. 1. Otdel istoricheskij. Kiev, 1876. S. 336–357.
- Maksimovich, Mihail Aleksandrovich. *Skazanie o getmane Petre Sagajdachnom* [The legend of the Hetman Petro Sahaidachnyi], in Antonovich V. B. (ed.). *Sobranie sochinenij*: V 3 t. T. 1. Otdel istoricheskij. Kiev, 1876. S. 358–386.
- Oparina, Tat'yana Anatol'evna. *Ukrainskie kazaki v Rossii: Edinovercy ili inovercy? (Mikita Markushevskij protiv Leontiya Pleshheeva)* [Ukrainian Cossacks in Russia: Common Faith adherents or Gentiles? (Mikita Markushevski versus Leontius Pleshcheev)], in *Socium. Al'manah social'noj istorii*. 2003. Vip. 3. S. 21–44.
- Papkov, Andrej Igorevich. *Porubezh'e Rossijskogo carstva i ukrainskih zemel' Rechi Pospolitoj (konec XVI – pervaya polovina XVII veka)* [Borderlands of the Russian Empire and the Rzeczpospolita's Ukrainian lands (end of 16th century – first half of 17th century)]. Belgorod: Izd-vo «KONSTANTA», 2004. 352 s.
- Platonov, Sergej Fedorovich. *Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. (Opyt izucheniya obshhestvennogo stroja i soslovnih odnoszenij v Smutnoe vremya)* [Essays on the history of the Time of Troubles in the Muscovite state 16th–17th centuries. (The experience of study of the social structure and class relations in the Time of Troubles)]. Moskva: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1995. 470 s.
- Plohij, Sergij. *Nalivajkova vira: Kozactvo ta religiya v rannomodernij Ukraïni*. Per. z ang. Kiiv: Kritika, 2005. 496 s.
- Sas, Petro Mihajlovich. *Zaporozhci u pol's'ko-moskovs'kij vijni naprikinci Smuti 1617–1618 rr.* Bila Cerkva: Vid. O. V. Pshonkivs'kij, 2010. 512 s.
- Skrynnikov, Ruslan Grigor'evich. *Rossiya v nachale XVII v. «Smuta»* [Russian in the beginning of 17th century. «Times of Troubles»]. Moskva: Mysl', 1988. 283 s.
- Skrynnikov, Ruslan Grigor'evich. *Social'no-politicheskaya bor'ba v Russkom gosudarstve v nachale XVII veka* [Social and political struggle in the Russian state at the beginning of the 17th century]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1985. 328 s.
- Solov'ev, Sergej Mihajlovich. *Sochineniya* [The works of Sergey Solovyov]: V 18 kn. Kn. IV. *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. T. 7–8*. Moskva: Mysl', 1989. 752 s.
- Stanislavskij, Aleksandr Lazarevich. *Grazhdanskaya vojna v Rossii XVII v.: Kazachestvo na perelome istorii* [Civil war in Russia in 17th century: Cossacks at the turn of history]. Moskva: Mysl', 1990. 270 s.
- Tyumencev, Igor' Olegovich. *Smuta v Rossii v nachale XVII stoletiya: Dvizhenie Lzhedmitriya II* [Time of Troubles in Russia in the early 17th century: Second False Dmitry movement]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 1999. 600 s.
- Ul'yanovs'kij, Vasil' Irinarhovich. *Lzhedmitrij I i Ukraïna (politichni aspekti)* [First False Dmitry and Ukraine (political aspects)], in *Ukraïna i Pol'shha v period seredn'ovichchya*. Kiiv, 1991. S. 73–85.
- Ul'yanovskij, Vasilij Irinarhovich. *Smutnoe vremya* [Time of Troubles]. Moskva: Evropa, 2006. 464 s.
- Yakovenko, Natalya. *Paralel'nij svit. Doslidzhennya z istorii uyavlen'ta idej v Ukraïni XVI–XVII st.* Kiiv: Kritika, 2002. 416 s.
- Yavornic'kij, Dmitro Ivanovich. *Istoriya zaporoz'kih kozakiv* [The History of Zaporozhian Cossacks]: U 3 t. Kiiv: Naukova dumka, 1990. T. 2. 560 s.